

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ.

Ходжаева Алёна Ботировна
преподаватель университета IPU.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы изучения односоставных предложений в русском языке. Анализируется исторический путь развития взглядов на данное синтаксическое явление с конца XIX до второй половины XX века. Особое внимание уделено трудам таких лингвистов, как А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, А.М. Пешковский, Е.М. Галкина-Федорук, В.В. Бабайцева и др., выявляются различия в подходах: грамматическом, логическом, психологическом и структурно-семантическом. Обосновывается необходимость комплексного подхода к классификации односоставных конструкций, включающего грамматические, семантические и стилистические критерии. Работа акцентирует внимание на предикативной функции главного члена односоставного предложения и подчеркивает ограниченность формального подхода. Статья может быть полезна при дальнейших синтаксических исследованиях и в преподавании русского языка.

RUS TILIDAGI BIR A'ZOLI GAPLAR MUAMMOSINING NAZARIY ASOSLARI

Annotatsiya. Maqolada rus tilidagi monosemantik jumlalarni o'rganishning nazariy asoslari ko'rib chiqiladi. 19-asr oxiridan 20-asrning 2-yarmigacha bo'lgan davrda ushbu sintaktik hodisaga qarashlarning tarixiy rivojlanish yo'li tahlil qilinadi. A.A. kabi tilshunoslarning asarlariga alohida e'tibor qaratilgan. Shaxmatov, V.V. Vinogradov, A.M. Peshkovskiy, E.M. Galkina-Fedoruk, V.V. Babaytseva va boshqalar yondashuvlardagi farqlarni ochib beradi: grammatik, mantiqiy, psixologik va tarkibiy-semantik. Bir qismli konstruksiyalarni, jumladan, grammatik, semantik va stilistik mezonlarni tasniflashda kompleks yondashuv zarurligi asoslanadi. Asarda bir a'zoli gapning bosh a'zosining predikativ vazifasiga alohida e'tibor qaratilib, rasmiy yondoshuvning chegaralanganligi ta'kidlangan. Maqola keyingi sintaktik tadqiqotlar va rus tilini o'rgatish uchun foydali bo'lishi mumkin.

THEORETICAL BASES OF THE PROBLEM OF ONE-JOINT SENTENCES IN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article deals with the theoretical bases of studying one-joint sentences in Russian language. The historical way of development of views on this syntactic phenomenon from the end of XIX to the second half of XX century is analyzed. Special attention is paid to the works of such linguists as A. A. Shakhmatov, V. V. Vinogradov, A.M. Peshkovsky, E.M. Galkina-Fedoruk, V.V. Babaitseva and others. Babaitseva, etc., the differences in approaches are revealed: grammatical, logical, psychological and structural-semantic. The paper substantiates the necessity of a comprehensive approach to the classification of monosyllabic constructions, including grammatical, semantic and stylistic criteria. The paper focuses on the predicative function of the main member of a one-joint sentence and emphasizes the limitations of the formal approach. The paper may be useful for further syntactic research and Russian language teaching.

Вопрос об односоставных предложениях волновал и волнует многих лингвистов в силу своей синтаксической специфичности, которая по-разному оценивалась сторонниками психологического, логического, грамматического, структурно-семантического направлений. Уже само введение в научный обиход термина «односоставность» сопровождалось спорами, нападками. Мнение о том, что в основе всех типов, предложений, в том числе и односоставных, глагольных и именных, находит своё выражение коммуникация, вообще опровергалось, так как оно «ни в малейшей степени не доказана» (В. В. Виноградов. 1950, с. 83).

Поэтому, предпринимая экскурс в историю разработки вопроса об односоставных предложениях, мы будем достаточно внимательны и корректны, чтобы общая картина решения проблем односоставности была по возможности полной и объективной.

Впервые об одночленных (односоставных) предложениях в русской лингвистической литературе заговорил К.С. Аксаков (1958, с. 53). Несколько заметок об односоставных предложениях встречается у А. В. Попова: «Элементарным видом предложения я считаю одночленное предложение, состоящее из одного глагола или имени» (А. В. Попов. 1881, с. 31). И всё же выделение односоставных предложений всегда связывается с именем А. А. Шахматова, который первым обосновал структурное своеобразие этих предложений в отличие от двусоставных предложений. А, А. Шахматов считал так: «Как увидим, предложения русского языка распадаются в этом отношении на две главные разновидности; к первой принадлежат предложения, в которых указанное сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения (выраженном в большей части одним словом) - это предложения односоставные; ср. предложения, как вчера морозило, прекратите

разговор, прошу войти, где сочетание субъекта и предиката подлежащей коммуникации находит себе соответствие в словах морозило, прекратите, прошу... член предложения, соответствующий по своему значению сочетания субъекта с предикатом, мы назовем главным членом, главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях, таким образом, не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в двучленной коммуникации; двучленной коммуникации соответствует односоставное (нередко одночленное, однословное) предложение. Ко второй разновидности принадлежат предложения, в которых субъект и предикат находят себе выражение каждый в особом члене (особом слове) предложения; это предложения двусоставные, причём главный член одного из обоих составов соответствует субъекту, а главный член другого состава предикату... такие грамматически между собой связанные (согласованные) члены двусоставных предложений называются подлежащим и сказуемым, причём подлежащее - это главный член господствующего, а сказуемое - главный член зависимого состава» (А. А. Шахматов. 1941. с. 30-31)

Мы привели такую длинную цитату, чтобы были понятными не только акценты, который делает учёный, выделяя один главный член в односоставных предложениях и два главных члена (подлежащее и сказуемое) в двусоставных построениях, но и для выделения положений, которые брались на вооружение или подвергались критике. На наш взгляд, заслуга А. А. Шахманова прежде всего заключается в том, что учёный не отождествляет понятие главных членов предложения с членами суждения. Ведь в этот период довольно крепкие позиции были у представителей логического подхода к синтаксическим явлениям. Каждое предложение учёные-логисты рассматривали как выражение суждения и утверждали, что суждение будет иметь место только там, где есть присоединение понятия о признаке к понятию о предмете. «Вся сила суждения, - писал Ф. И. Буслаев, - содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения» (Ф. И. Буслаев. 1875, с. 8). И далее учёный добавляет: «Сила суждения... означает в грамматическом сказуемом не названием действия или свойства, приписываемого подлежащему, а самым способом сочетания сказуемого с подлежащим, выражаемого спряжением глагола, составляющего сказуемое или входящее в него как существенная часть» (Ф. И. Буслаев. 1875, с. 9).

Как видно из рассуждений учёного, он грамматические понятия связывает с логическими сущностями. А если так, то уместно привести примеры из рассуждений Б. П. Ардентова, который много писал о соотношении мышления и языка, о познании действительности и его отражении в языке: «На протяжении длительной истории человечества, в разные периоды развития материальной культуры, состояния производительных сил и т.п. - а следовательно, и в разные

эпохи развития мышления человек, надо полагать, по-разному подходил к познанию действительности и по-разному выражал познания в языке, в синтаксических конструкциях. Вследствие непрерывных накоплений в мышлении менялся подход к познанию действительности (по-разному выделялись и воспринимались ее явления) - менялись и синтаксические конструкции, в которых отливались результаты познания. Сами конструкции непрерывно совершенствовались и становились разнообразнее». (Б. П. Ардентов. 1959, с.34).

Нам импонирует мысль о совершенствовании процессов мышления и соответственно совершенствования и разнообразности синтаксических конструкций. Вероятно, именно научные поиски, развитие творческой мысли привели к тому, что было поколеблено, казалось бы, незыблемое мнение о невозможности для подлежащего и сказуемого существовать отдельно друг от друга. А. А. Потебня установил, что подлежащее из предложений может «устраняться», и тогда в основе конструкции остаётся одно сказуемое, но само предложение при этом не перестаёт служить коммуникации, хотя и становится безличным (А. А. Потебня. 1968, с. 403).

Затем и Д. Н. Овсянико-Куликовский говорит о постепенном устранении подлежащего из некоторых предложений вплоть «до полного его забывания» (Д. Н. Овсянико-Куликовский. 1912, с. 29). Интересно, что, рассматривая связь между подлежащим и сказуемым, учёный даёт широкое толкование предикативности, когда сказуемому придаётся «большой вес мыслей» и в сознании говорящего появляется «ощущение сказуемости или предикативности» (Д. Н. Овсянико-Куликовский. 1912, с. 27). Субъективный подход к синтаксическому явлению, связь с мышлением и психикой человека, в общем были вполне характерны для представителей психологического направления.

Ф. Ф. Фортунатов ещё более сузил поле деятельности лингвистов. Он признавал, что предложение есть выражение психолингвистического суждения, но при этом допускал, что суждение может выражаться в предложении не полностью. Учёный подчёркивал, что «грамматический анализ должен отличаться нами от психологического анализа тех суждений или предложений в мысли, какие выражаются в речи грамматических предложений» (Ф. Ф. Фортунатов. 1902, с. 75). По его мнению, языковед должен заниматься исследованием самих языковых фактов, форм и их сочетаний. Тогда получается, что область исследования языковеда ограничивается только языком.

А. М. Пешковский, наоборот, связывал определение главных членов предложения с психологическими понятиями: «То представление, которое является в мысли первым, называется психологическим подлежащим, а то представление, которое соединяется с психологическим подлежащим, -

психологическим сказуемым» (А. М. Пешковский. 1938. с. 130). При этом не только мысленная первичность или вторичность, а и особая интонация соотносилась с предикативной интонацией: «Таким образом, мы открываем новый способ выражения категории сказуемости: интонацию... благодаря которой слово перестаёт быть словом только, а делается фразой» (А. М. Пешковский. 1938, с. 175). А. А. Шахматов тоже признавал важность интонации, которую «можно признать способом обнаружения грамматической категории» (А. Шахматов. 1941, с. 434), однако выступал против тех, кто считал возможным выделить логический предикат в любом слове, выделяемом логическим ударением, как это делала, например, Е. М. Галкина-Федорук (1956, с. 68-70).

В разработке проблемы односоставности А.М. Пешковский исходил из понятия «сказуемость, которая определялась им как «грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью» (А.М. Пешковский. 1956, с.165-166). Ученый выделяет слова, которые способны формировать предложение, т.е. составлять их сказуемость, но при этом оговаривает случаи, когда в конструкциях есть словосочетания, «указывающие своим формальным составом на опущенное сказуемое», и тем самым допускает возможность выделения неполных предложений, которые в ряде случаев смешиваются с односоставными построениями. Критически оцениваются исследования А.М. Пешковского ученым Б.П. Ардентовым, который, как нам кажется, очень резко и грубо заявил: «Но как сказуемость выражается в предложении, что она, собственно говоря, собою представляет,- на эти вопросы у А.М. Пешковского трудно найти вразумительный ответ»... (Б.П. Ардентов. 1959, с. 50). Мы не согласны с этим, так как А.М. Пешковский в главе «IX. Сказуемость» своего труда «Русский синтаксис в научном освещении» довольно серьезно объясняет сущность сказуемости, определяет слова, служащие для выражения сказуемости, указывает на категории разграничения предикативных непредикативных словосочетаний, обосновывает принципы классификации предложений, ограничения их от конструкций звательного характера, именительного представления и многое другое. Другое дело, многие из выдвинутых положений не развивались в дальнейшем, на что указывал в предисловии к изданию А.Б. Шапиро: «Сохранив в переработанном труде прежнее понимание формы слова и формы словосочетания, а также прежнее понимание морфологии как «отдела грамматики, в котором изучаются формы отдельных слов», а синтаксиса, как «отдела грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний», А.М. Пешковский тем самым остался на прежних основных грамматических позициях» (А.Б. Шапиро. 1956, с.6).

Значителен вклад в разработку проблемы односоставности А.А. Шахматова. Он обосновал суть односоставных предложений, где «сочетание

субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения», а потому логично говорить о главном члене предложения, который может быть отождествлен формально или «с подлежащим, или со сказуемым, причем, конечно, не следует забывать, что такое «сказуемое» отличается от сказуемого двусоставного предложения тем, что вызывает представление и о предикате и о субъекте, между тем как сказуемое двусоставного предложения соответствует только предикату, а также, что «подлежащее» односоставного предложения вызывает представление и о субъекте и о предикате, между тем как подлежащее двусоставных предложений соответствует только субъекту» (А.А. Шахматов. 1941, с.50). Некоторые исследователи, вслед за А.А. Шахматовым, стали указывать, что в подлежащем и сказуемом нужно видеть соотносительные элементы предложения. Так, П.Г. Стрелков писал: «Где есть подлежащее, там должно быть и сказуемое. И обратно, где есть сказуемое, там должно быть и подлежащее. Следовательно, в тех предложениях, в составе которых нет одновременно подлежащего и сказуемого, т.е. в предложениях односоставных, слово, поясняемое другими словами, но само ничего не поясняющее, не может быть квалифицировано ни как подлежащее, ни как сказуемое, хотя бы по грамматической форме оно и совпадало с подлежащим или сказуемым. В предложении Славная осень господствующее слово осень будем называть главным членом односоставного предложения» (П.Г. Стрелков. 1934, с.30).

По мнению Е.М. Галкиной-Федорук, «при таком взгляде все односоставные предложения ставятся на одну плоскость, и специфика их структуры и функций остается не выявленной» (Е.М. Галкина-Федорук. 1959, с.12). Она справедливо считает, что «структурные элементы предложения как единицы синтаксической должны квалифицироваться с точки зрения синтаксической их природы. А так как подлежащее и сказуемое являются организующими центрами предложения, то необходимо и предложения с одним главным членом анализировать в соотносительности с этими организующими центрами предложения» (Е.М. Галкина-Федорук. 1959, с.13).

На наш взгляд, главный член односоставного предложения должен анализироваться именно в своей специфической функции – быть предикативным центром, а соотносительность с подлежащим или сказуемым опять уводит нас в сторону от существа проблемы. Поэтому в отличие от Е.М. Галкиной-Федорук, мы считаем правильным мнение В.В. Виноградова, который говорил: «Подведение этого главного члена во многих односоставных предложениях под грамматические понятия подлежащего и сказуемого лишено всяких синтаксических оснований» (В.В. Виноградов. 1950, с. 82). В «Грамматике русского языка» - 1954 года В.В. Виноградов утверждает, что «конкретное предложение может иметь в основе своего построения и одно единственное

понятие или представление», т.е. может быть и односоставным» (В.В. Виноградов. 1954, с. 74). Однако, заявляя, что «было бы бесцельно стремиться к разысканию и установлению «подлежащих» и «сказуемых» или каких-либо их «эквивалентов» во всех типах односоставных односоставных предложений», ученый сам же делает оговорки: «Однако, в некоторых формах можно найти морфологические соответствия одному из главных членов двучленного (или двусоставного) предложения» (В.В. Виноградов. 1954, с. 73). Вот эти «оговорки» и позволили многим исследователям еще долгое время соотносить главный член односоставного предложения с главными членами двусоставного предложения и соответственно выделять безподлежащие и бессказуемые предложения.

Подводя некоторые итоги рассмотрения истории вопроса об односоставных предложениях, мы должны отметить, что в начале и середине 20 века проводились серьезные исследования логической и синтаксической стороны предложений и были достигнуты определенные успехи. Однако некоторый формализм, преимущественное внимание к морфологическому выражению главного члена заставляли ученых фактически лишь уходить в глубь проблемы, но не расширять и конкретизировать ее. Поэтому мы полностью солидарны с В.В. Бабайцевой, которая писала: «Внимание филологов к грамматическим свойствам односоставных предложений, несомненно, дало положительные результаты и определило ведущую роль структурно-формальных признаков при разграничении двусоставных, односоставных и нечленимых предложений. Однако стремление отграничить односоставные конструкции от двусоставных на основе лишь структурно-формальных признаков в работах большинства исследователей носит фактически декларативный характер и не раскрывает причин возникновения и существования односоставных предложений» (В.В. Бабайцева. 1968, с. 4).

КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОТ ДВУСОСТАВНЫХ И КЛАССИФИКАЦИИ ИХ ТИПОВ

Разработка проблемы односоставности в 60-х — 70-х годах 20 века в самом общем виде выглядит как дальнейшее изучение вопросов о принципах отграничения односоставных предложений от двусоставных и нечленимых, о критериях классификации односоставных предложений, о переходных конструкциях и некоторых других. Важным, на наш взгляд, является то понимание, к которому пришли многие ученые, убедившиеся, что использование только одного подхода к рассмотрению специфичности односоставных предложений не дает положительных результатов. По этому поводу В.В. Бабайцева замечала: «Основной ошибкой как логиков, так и лингвистов, выяснявших логическую основу односоставных предложений, является стремление найти одну форму мысли, во-первых, для всех разновидностей

простого предложения, во-вторых, для всех разновидностей односоставных предложений» (В.В. Бабайцева. 1968, с. 5).

Действительно, стремление описывать и разграничивать разные типы простых предложений на основе только одного критерия невозможно. Вспомним определение предложения В.В. Виноградова: «Предложение - это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» (В.В. Виноградов. 1960, с.65). Уже в этом определении указывается на возможные критерии их исследования: грамматический, синтаксический, функциональный. Поэтому права В.В. Бабайцева, которая утверждает, что «хотя грамматический критерий в русском языке является основным и решающим фактором при отграничении двусоставных предложений от односоставных и при выделении отдельных разновидностей односоставных предложений, но ограничиваться лишь им невозможно» (В.В. Бабайцева. 1968, с.15).

Для нашей работы важно еще одно наблюдение ученого, что, имея общую логическую основу, предложения могут иметь «разный семантико-стилистический характер» (В.В. Бабайцева. 1968, с.10). Действительно, если сравнить предложения: Он обладает трезвым умом. - Он умен. - Какой он умный! — Ему в уме не откажешь! - Вот так ум! - то можно заметить, что все предложения выражают типичное логическое суждение, хотя для его выражения выбраны не только двусоставные, но и односоставные предложения, причем их стилистическая окраска разная. Поэтому закономерен вывод, к которому пришла В.В. Бабайцева: «Только выяснение смысловых и формальных различий в их совокупности позволяет правильно определить семантико-стилистический и грамматический характер того или иного предложения. Применение двух принципов классификации заставляет накладывать одну классификационную схему на другую, одним принципом дополнять и корректировать другой» (В.В. Бабайцева. 1968, с.18).

Н.С. Валгина разделяет точку зрения В.В. Бабайцевой на необходимость использования при классификации односоставных предложений нескольких принципов: «При классификации односоставных предложений возникают объективные трудности, связанные с выбором классификационного принципа, причем история изучения односоставных предложений приводит к очевидному выводу о недостаточности учета только одного какого-либо признака как основания для деления на соответствующие группы предложений» (Н.С. Валгина 1978, с.161), поскольку на основе только грамматического принципа выделяются только «морфологические» типы односоставных предложений (глагольные, именные, наречные), на основе семантического признака идет

деление по признаку определенность - неопределенность, и тогда смешиваются безличные и неопределенно-личные предложения.

В.А. Белошапкова тоже отмечает, что «разные ученые по-разному строили комплексы признаков, выдвигая в качестве основного то один, то другой, и поэтому по-разному членили языковые факты» (В.А. Белошапкова. 1977, с. 97). Поиск учеными критериев выделения и классификации односоставных предложений естественно вывел их из рамок грамматического и семантического подходов и обусловил учет особенностей актуального членения предложений, их контекстного окружения, стилистических значимостей, коммуникативных задач и т.п. В работах Г.А. Золотовой, Н.Ю. Шведовой, Г.П. Дружининой и многих других содержится много ценной информации о необходимости многоаспектного подхода к рассмотрению односоставных предложений, специфике их предикативного центра, особенностях отражения действительности и т.п.

В «Русской грамматике» - 1980 года содержится системное описание односоставных предложений. Н.Ю. Шведова рассматривает их с позиций логики, грамматики, функционирования. Логично и ярко представлены не только нейтральные конструкции, но и даны их экспрессивные варианты, показаны функциональные и стилистические возможности. В самом общем виде представлены не подлежащно-сказуемые предложения (Можно ехать. Приказано наступать. Видно следы. - Не видно следов. Наготовлено запасов. Много цветов. Масса гостей.), предложения с лексически ограниченными компонентами (Нет времени. Ни звука. Никого знающих. Ничего нового. Никакой надежды. Ни единой ошибки. Некому работать. Некуда идти), однокомпонентные предложения спрягаемо-глагольных классов (Светаёт. Знобит. Стучат. Зовут.) и неспрягаемо-глагольных классов (Тишина. Ссора. Народу! Цветов! Ему рады.), инфинитивного класса (Здесь не пройти. Цвести садам! Молчать!), наречного класса (Холодно. Грустно.), а также предложения фразеологизированной структуры (Не надо разговоров. Только и радости...) (Н.Ю.Шведова. 1980, с.320-386).

На наш взгляд, учет структурных, семантических, парадигматических, стилистических, экспрессивных свойств, порядка слов, интонации и т.п. этих предложений делает классификацию достаточно полной и внушительной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова А.И. К вопросу об обращении в современном русском языке// Славянский сборник», вып. II-Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та 1958.
2. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. - М.: Наука, 1966.

3. Адмони В.Г. О двусоставности предложений//Ученые записки 1 ленинградского гос. пед. института иностранных языков.-Новая серия, вып.2. -Л.: ЛГУ, 1955.
4. Аксаков К.С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.Буслаева // Собр.соч. - М, 1958. Т.II.
5. Ардентов Б.П. Номинативные предложения в современном русском языке//
6. Ученые записки. Т.5. (Филологический).-Кишинев: Изд-во Кишинев.гос. ун-та, 1959.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / логико-семантические проблемы. 3-е изд: Серия «Лингвистическое наследие XX века». - М.:Едиториал УРСС, 2003.
8. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке.
9. Виноградов В.В. Русский язык - М.-Л.: Учпедгиз, 1947.
- 10.Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд.2. - М.: Учпедгиз, 1938.
- 11.Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. - Л., 1941.
- 12.Шведова Н.Ю. Система простых предложений // «Русская грамматика». -М: Наука, 1980.